
СБОРНИК «ВЕХИ» В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЕМИКИ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ОПЫТ ИНТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

В.Э. Багдасарян

Факультет истории, политологии и права
Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10–1, Москва, Россия, 105005

С.И. Реснянский

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В представленной статье восстанавливается общественно-политический контекст критики интеллигенции в сборнике «Вехи»; исследуется реакция различных идеологических группировок на выход книги; определяется место «Вех» в интеллектуальной истории России начала двадцатого столетия. Авторы подвергают пересмотру устоявшийся взгляд на сборник как рупор черносотенной или кадетской идеологии, указывая, что его концептуальное содержание позволяет в большей степени говорить о его антикадетской направленности. В целом, с точки зрения авторов, идейная платформа «Вех» не была выверена и содержала многочисленные противоречия, при этом прослеживаются внутренние идейные расхождения между веховскими авторами. В статье выделяются отдельные идеи, объединявшие авторов сборника, но отрицается общность их теоретических позиций.

Ключевые слова: «Вехи», русская революция, русская интеллигенция, кадеты, Россия, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, М.О. Гершензон, Б.А. Кистяковский, С.Л. Франк.

Введение

Обоснование темы. Проблема определения роли и специфических черт современной интеллигенции предопределяет актуальность и обоснованность изучения веховского наследия в настоящее время. О непреходящем значении издания сборника А.И. Солженицын говорил: «Могу только напомнить, что когда появились “Вехи”, они были встречены бешеной атакой большинства русской интеллигенции... Но вот отошло то время, и «Вехи» ... и сегодня стоят как Вехи, действительно показывают нам путь» (1).

Рассмотрение и сопоставление взглядов авторов «Вех» в их критике революционной интеллигенции Первой русской революции в контексте ретроспекции позволяет понять тот идейный багаж современной российской интеллектуальной элиты, которая, позиционируя себя с сегодняшним креативным классом, по сути продолжает ту же самую раскольническую деятельность (Болотная площадь и т.д.), как и в рассматриваемый период.

Обзор литературы. В советский период «Вехи» и полемика вокруг них оценивались историками в рамках ленинской позиции, где веховство означало ведущее направление «контрреволюционной либеральной буржуазии», повернувшейся к сотрудничеству с самодержавной государственной властью (2). В 1990-е гг. в работах исследователей (Л.Г. Березовой, П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдова, М.А. Колерова, Н.С. Плотникова, А.Н. Лазаревой, И.Н. Сиземской, В.В. Шелохаева и др.) стало заметно смягчение оценочных суждений и освобождение их от чрезмерной политизации (3). Для западной историографии долгое время был характерен акцент на либеральные составляющие в идейном багаже «Вех» (4). Работы, вышедшие в конце 1950-х – середине 1960-х гг. (К. Рида, А. Келли), шли в русле либерально-консервативной традиции (5). Вместе с тем в ракурсе рассматриваемой в данной статье проблемы нет научных публикаций, в которых был бы представлен анализ сборника «Вехи» в пространстве общественной полемики начала XX столетия.

Цель и задачи данного научного исследования – определить бифуркационные точки в ментальных построениях авторов «Вех» и их критиков и сторонников и попытаться дать адекватную картину того, что представлял собой сборник «Вехи» в контексте столкновения взглядов на будущее России в интеллигентной среде в начале XX в.

Исследование проблемы

Сборник «Вехи» впервые увидел свет 16 марта 1909 г. Его появление было обусловлено разрушением семиосферы оппозиционной субкультуры, ставшим следствием поражения революции 1905–1907 гг. и разоблачения Е.Ф. Азефа. «Вехи» представляли собой интроспективный анализ субкультуры русской интеллигенции, рассматриваемой как целостный феномен, вне зависимости от политических пристрастий существующих внутри его направлений. Концепция сборника заключалась в определении интеллигенции как маргинальной группы, антагонистической как государству, так и народу. Каждый из веховских авторов преломлял данную доктрину через призму исследования частных аспектов духовного бытия интеллигенции.

Так, Н.А. Бердяев в своей статье писал о неприятии интеллигенцией философского творчества и партийно-утилитарном восприятии ею достижений науки (6). В работе С.Н. Булгакова интеллигентское мировоззрение рассматривалось как антитеза христианской религиозности (7). М.О. Гершензон писал о раздвоенности астральной и ментальной природы интеллигенции,

отчуждении воли от сознания (8). Б.А. Кистяковский рассматривал проблему интеллигентского правосознания, характерной чертой которого полагал правовой нигилизм и отсутствие политической культуры (9). Статья П.Б. Струве посвящалась обоснованию тезиса об антигосударственной природе интеллигенции, ее политического «отщепенства» (10). С.Л. Франк анализировал этику интеллигенции, определяя ее как выражение нигилистического морализма (аморализма) (11). А.С. Изгоев представил социологический этюд интеллигентского быта, нарисовав картину разложения и даже вырождения исследуемого сообщества (12).

Выход книги вызвал эффект скандала и был встречен потоком беспечливо-изобличительной критики, о чем свидетельствуют формулировки: «антихристово наваждение», «отщепенцы в квадрате», «подгнившие “Вехи”», «мемуары унтер-офицерской вдовы», «черносотенные “Вехи”», «энциклопедия либерального ренегатства», «Цусима литературы, аферизма и фарисейства», «двойное кощунство», «апология мещанства» и т.п. (13). Благожелательные отклики на выход сборника А. Белого, Е.Н. Трубецкого, В.В. Розанова, М.С. Шагинян представляли собой исключение из общего направления характеристики издания (14). Одним из немногих, кому аберрация близостью не помешала оценить огромное значение «Вех» в исторической перспективе и поддержка которого как представителя церкви особо ценилась веховцами (15), являлся архиепископ Антоний, писавший в открытом письме авторам сборника о том, что «они обратились к обществу с призывом покаяния, с призывом... к единению с народом, к заветам Достоевского и славянофилов» (16).

А. Келли сравнивает степень общественного резонанса, вызванного «Вехами», с воздействием философических писем П.Я. Чаадаева 1836 г. (17). Образчиком публицистического неприятия сборника являлось выступление секретаря Московского отделения ЦК партии кадетов Н.М. Иорданского: «Московские “Вехи” и никого не спасут, и никому не укажут даже дороги ко спасению. Православие и атеизм, славянофильство и западничество, мистика и буржуазная расчетливость спутываются в них безнадежным клубком... Авторы не свели концов с концами... Их связал в уродливый узел дух злобы против русской интеллигенции... Они соединились только для совместного разрушения старых ценностей русской интеллигенции...» (18).

Анализ веховской аргументации фактически не проводился. Как правило, имело место априорное порицание позиции «Вех», зачастую переходящее в брань. О стиле критики можно судить по высказываниям либерального публициста И. Бикермана в статье «Отщепенцы в квадрате», назвавшего «писания г. Струве» «пустыми, сумбурными, неприличными, попросту дрянными» (19). М. Горький в свойственном его перу эмоциональном стиле назвал «Вехи» «мерзейшей книжицей за всю историю русской литературы» (20). Летом 1909 г. Ф.Г. Мускатлит издал книгу, составленную из антивеховской публицистики «В защиту интеллигенции». Свое слово в критике «Вех» сказали все крупнейшие оппозиционные партии, издавшие в течение года специальные вы-

пуски сборников статей: эсеровский «“Вехи” как знаменья времени», социал-демократический «Из истории новейшей русской литературы», либеральный «В защиту интеллигенции». С октября 1909 г. стал выходить журнал «Запросы жизни», в котором М.М. Ковалевский и В.В. Водовозов открыли рубрику систематической полемики против сборника, что позволило А.С. Изгоеву назвать издание «Анти-Вехой» (21). Критика выполнила роль рекламы, обеспечив сборнику положение бестселлера, что предопределило пятикратное переиздание «Вех» в течение 1909–1910 гг. На рекламный эффект критики указывал Р. Пайпс, писавший, что выход книги являлся «крупнейшим скандальным успехом в интеллектуальной истории России» (22).

Чем же была мотивирована столь бурная реакция общественности?

Веховская критика интеллигенции выглядит сравнительно мягкой в сопоставлении с ее обличением в правом лагере как инородческой русофобской корпорации, находящейся на службе внешнеполитических противников России. Веховцы не являлись первооткрывателями тематики осуждения интеллигенции. Еще в «Дневнике писателя» были апробированы основные тезисы аргументации «Вех». Ф.М. Достоевский писал: «Вся интеллигенция России, с Петра Великого начиная, не участвовала в прямых и текущих интересах России, а всегда тянула дребедень отвлеченно-европейскую (Александр I, Мордвиновы, Сперанские, декабристы, Герцены, Белинские и Чернышевские и вся современная дрянь)» (23). Даже чуждый политических распрей А.П. Чехов в письме к И.И. Орлову высказывал свое отношение к интеллигенции вполне определенно: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» (24).

Но инициатива веховцев, прошедших школу марксистских кружковых организаций, подвергавшихся политическим преследованиям и даже арестам, стоящим, как П.Б. Струве, у истоков создания российской партийности, носила, согласно этическим нормам интеллигентского лагеря, форму предательства. Веховское выступление являлось критикой изнутри, исходящей от «посвященных», а потому воспринимавшейся не как навет, а как откровение. По той же причине аналогичную реакцию вызвали публикации В. Ропшина, окрещенные «литературными Вехами» (25). В.В. Розанов подчеркивал шлейф политической биографии веховцев, без учета которого искажался бы смысл их выступления: «Все бывшие радикалы, почти эс-деки... когда-то деятели и ораторы шумных митингов (Булгаков), вожди кадетов (Струве), позитивисты и марксисты не только в статьях журнальных, но и в действии, в фактической борьбе с правительством...» (26).

Политическим контекстом выхода сборника, как уже отмечалось, являлся разгром революции, усугубленный феноменом «азефщины». Поэтому веховская критика воспринималась как форма квиетизма, переход на сторону победителя. Публицист В. Боцяновский в статье «Нечто о трусливом интеллигенте» писал: «Испуг, испуг и только испуг глядит с каждой страницы этого

сборника... Деление России на народ и интеллигенцию, унаследованное нами от глубокой древности, совершенно не основательно. Теперь этой пропасти нет. Народ стал интеллигенцией, интеллигенция влилась в народ. Конечно, настоящая, подлинная интеллигенция. Вне слияния осталась кучка мнимых, мнящих себя истинными интеллигентами людей. Это трусливая, пугливая кучка, которая привыкла бегать только за колесницей триумфатора, кто бы этот триумфатор ни был...» (27).

Конечно, поражение революции заставило будущих веховцев переосмыслить некоторые жизненные принципы, но данное переосмысление началось значительно раньше. Еще в 1902 г. в сборнике «Проблемы идеализма» веховскими авторами был предпринят пересмотр основных догматических положений интеллигентского мировосприятия. Материалистические и позитивистские концепции отвергались в пользу неокантианской директивы приоритета духовной субстанции. Основные аргументы, изложенные в «Вехах», также были апробированы авторами в работах предшествующего времени (28). Сборник предлагал лишь концентрированную презентацию идей, представленных до того каждым из веховцев персонально.

Общественно-политический статус П.Б. Струве породил представление о нем как о создателе «Вех». В действительности инициатива издания исходила от известного к тому времени исследователя историко-филологического жанра М.О. Гершензона (о чем свидетельствовал С.Л. Франк (29)), который определил идейную платформу сборника, составил предисловие (вопреки мнению П.Б. Струве, что предисловие должно иметь коллективное авторство) и выступил фактическим редактором. В числе предполагаемых авторов будущей книги фигурировали, помимо лиц, вошедших в конечном итоге в творческий коллектив, также Р.В. Иванов-Разумник, Л.Е. Габрилович (их кандидатуры в октябре 1908 г. отвел Франк), Ю.И. Айхенвельд, А.Г. Горнфельд, Н.О. Лосский (от предложения Булгакова он отказался).

В поиске названия сборника рассматривалось несколько вариантов заглавия: «Интеллигенты об интеллигенции», «На гору!», «Межи и вехи» (предложение П.Б. Струве), «Вехи» (окончательный выбор принадлежал М.О. Гершензону) и др. (30).

Многие противоречащие друг другу разоблачительные клише критики «Вех» не выдерживают детального анализа. Обвинение веховцев в кадетизме и в черносотенстве представляют собой взаимоисключающие тезисы. Так, В.И. Ленин определял «Вехи» как «выражение сути современного кадетизма» и умело использовал веховский ярлык для дискредитации кадетской партии (31). С аналогичных позиций выступили Г.В. Плеханов, В.М. Чернов, разделявшие мнение, что мишенью критики «Вех» являлась не интеллигенция в целом, а революционное движение, против которого было предпринято наступление либеральной группировки (32).

Действительно, некоторые веховцы были близки к кадетам. Но возможно ли на данном основании представлять «Вехи» в качестве рупора кадетской идеологии? П.Б. Струве к тому времени самоустранился от партийной работы, а в 1915 г. окончательно порвал с кадетами. Как по стереотипу политической деятельности, так и по теоретическим воззрениям его принято считать духовным антиподом признанному лидеру кадетов П.Н. Милюкову (33).

Струвистское течение являлось правой оппозицией в партии конституционных-демократов, и потому воззрения Струве было бы некорректно идентифицировать с программой кадетов (34). В частности, еще в 1908 г. Струве выдвинул доктрину «Великой России» как воплощения «национально-либерального империализма» (35). Для последователей П.Н. Милюкова, заявлявшего в антивеховской критике о невозможности разделять патриотическое воодушевление в связи с внешнеполитическими успехами самодержавия, струвистская позиция была неприемлема.

А.С. Изгоев продолжал активно работать в кадетском ЦК, но, по выражению Н.Г. Думовой, являлся одним из «правейших» представителей кадетства (36). В примечании ко второму изданию «Вех» Изгоев проводит апологию младотурецкого националистического движения, что противоречило кадетским принципам национальной толерантности (37).

С.Н. Булгаков, пребывая во 2-й Государственной Думе, выступал в кадетском альянсе, но, вопреки мнению некоторых авторов (38), представлял в ней ни кадетов, а баллотировался от Орловской губернии как «христианский социалист».

Почетный председатель кадетского ЦК И.И. Петрункевич отзывался о неославистских воззрениях С.Н. Булгакова как о продвижении российско-византийского мистицизма.

В теоретическом отношении кадетской идеологии соответствовала лишь статья Б.А. Кистяковского, в которой автор проводил апологию конституционного государства и выступал за формирование правовой культуры. Концептуальное содержание сборника позволяет в большей степени говорить о его антикадетской направленности. Кадеты зачислялись в единый интеллигентский лагерь, различие между направлениями которого представлялось несущественным.

Хотя Б.А. Кистяковский построил свою критику на примерах, связанных с социал-демократическим спектром интеллигенции, он оговаривался, что в равной мере названные пороки относятся и к социалистам-революционерам, и к либералам (39). Веховцами пропагандировался отказ от партийно-политической деятельности в пользу культуртрегерства и духовного самосовершенствования. Не случайно, что сами кадеты встретили появление сборника критикой (40). (Впрочем, В.И. Ленин усматривал в ней «полнейшее лицемерие»).

П.Н. Милюков посчитал своим долгом предпринять антивеховское лекционное турне по России. Признавая справедливость некоторых упреков ин-

теллигенции, Милуков объяснял ее недостатки не генетическим свойством природы, а болезнью роста. Предполагалось, что негативные черты ее облика будут преодолеваются по мере развития правовой и политической культуры. С другой стороны, он считал некорректным приемом веховцев холистический принцип порицания интеллигенции в грехах, большинство из которых, с его точки зрения, относятся лишь к леворадикальному движению (41).

Интересно, что некоторые современные авторы, выступая с критикой В.И. Ленина на стороне «Вех», по сути, солидаризируются с ленинским определением кадетской природы сборника (42). Таким образом, ими сужалась идейная платформа веховской критики, сводящейся в их интерпретации к обличению лишь левого спектра интеллигентского лагеря. По мнению Л. Шапиро, «Вехи» символизировали возвращение к «истинно либеральной русской традиции, понимавшей, что, когда произошло какое-то великое общественное изменение, главным союзником либерализма становится консерватизм (conservation), а не революционаризм» (43). Абсолютизируются профетические мотивы «Вех», предрекших якобы революцию и проистекающую из нее «шигалевщину». В действительности веховцам пророками было стать не суждено.

Исходя из тезиса о маргинальном статусе интеллигенции, оцениваемой в качестве единственно возможной революционной силы, веховцы, и в частности М.О. Гершензон (44), отвергали какую бы то ни было перспективу революции в России, считая, что народ не мог поддержать интеллигенцию, «несмотря на соблазн общего интереса, потому что в целом бессознательная ненависть к интеллигенции превозмогает в нем всякую корысть».

Тезис о черносотенной природе «Вех» (45) вызывает недоумение уже в силу персонального состава авторского коллектива, в котором фигурируют трое евреев, т.е. фактическое большинство (М.О. Гершензон, С.Л. Франк, А.С. Изгоев), двое русских (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков), один немец (П.Б. Струве) и один малоросс (Б.А. Кистяковский).

Из перечисленных авторов только П.Б. Струве высказывался в пользу политики руссификации, что сближало его в данном вопросе с представителями правого лагеря. В частности, он отрицал за украинцами не только права на политическую, но и культурную автономию, сохранение языка и национальной самобытности. Впоследствии, по причине правого уклона Струве в вопросе о национально-государственном строительстве, Бердяев, Кистяковский и Изгоев разорвали с ним отношения.

Все трое авторов (представителей еврейской национальности), М.О. Гершензон, С.Л. Франк, А.С. Лянде (Изгоев), получили классическое иудейское воспитание. Все они подверглись в течение жизни притеснениям на национальной почве. Правда, впоследствии С.Л. Франк перешел в православие (1912 г.), а М.О. Гершензон выступил с критикой сионистского движения. Но определение их как носителей черносотенной идеологии выглядит как публицисти-

ческий курьез. Оба русских философа обозначили свою позицию по национальной проблематике, опубликовав статьи, осуждавшие феномен черносотенной юдофобии.

Видный представитель консервативного лагеря В.Ф. Иванов отзывался о С.Н. Булгакове как о человеке, «ошалевшем от учености», а Н.А. Бердяева считал «апологетом масонства» (46). Наконец, Б.А. Кистяковский, происходивший из семьи украинского националиста, унаследовал украинофильские умонастроения местной сепаратистской среды (47).

В.И. Ленин усматривал в факте выхода «Вех» тенденцию трансформации либеральной буржуазии не только по сути, но и по форме в реакционно-охранительное направление: «Струве, Гучков и Столыпин, из кожи лезут, чтобы “совокупиться” и народить бисмарковскую Россию, – но не выходит» (48). Аналогичным образом оценивал издание сборника В.М. Чернов, описывая «Вехи» как «наиболее реакционную книгу десятилетия» (49). На реакционный характер издания указывали П.Д. Боборыкин, Д. Валентинов, С.П. Мельгунов, Д.С. Мережковский, Д.Ф. Философов и др. (50). Но сами консерваторы отнюдь не были склонны воспринимать «Вехи» в качестве родственного направления, а представляли в виде некоего либерального монстра «Бердяя Булгаковича Струве». Впоследствии в консервативных кругах парижской эмиграции раздавались высказывания, что «первого, кого нужно повесить по возвращению в Россию – это Петр Струве» (51).

Веховцы, в отличие от монархистов, полагали самодержавный режим главным злом русской истории, следствием политического насилия которого и явилось рождение имманентно дефективного организма интеллигенции. В их понимании государство, как и интеллигенция, выступали носителями зла, но власть являлась злом изначальным. Веховские авторы отдавали традиционную дань порицанию самодержавия, обличая «татарщину» русской государственности (С.Н. Булгаков), «казенщину» реакционной власти (Н.А. Бердяев), ее деспотизм (М.О. Гершензон), полицейскую организацию государства и отсутствие права (Б.А. Кистяковский) и т.д.

Иронизируя над противоречиями в оппозиционном лагере, П.А. Столыпин писал: «Хотя авторами сборника оплачен сполна входной билет для разговора со своею публикою, т.е. обругано в необходимой мере и правительство, и государственный строй, это не помогло: авторов потащили на суд партийной нетерпимости, крамольность их воззрений была установлена с военно-полевою строгостью и неблагонамеренность их провозглашена с торжественностью, которой повредила разве некоторая поспешность приговора» (52).

Намерение веховцев создать очередной сборник по проблеме «истинного и здорового национализма» заставляет предположить, что, по-видимому, планировалось организовать выступление на этот раз с осуждением правого лагеря, его извращенного понимания национальной политики. Таким образом, веховцы пытались дистанцироваться как от левого, так и от правого по-

литического спектра. Но выход сборника по национальной проблематике так и не состоялся, и «Вехи» вошли в исторические анналы как обличители левых сил.

Критики усмотрели в «Вехах» мазохистские мотивы самобичевания «унтер-офицерской вдовы» (53).

Будучи представителями интеллигенции, веховцы производили экзекуцию самобичевания, о чем писал В.М. Чернов (54). Одним из аргументов антивеховской компании, на котором особенно акцентировал внимание П.Н. Милюков (55), являлось указание на произвольный способ формирования интеллигентского лагеря. В него зачислялись такие одиозные в понимании веховцев общественные деятели, как М.Н. Бакунин и Н.Г. Чернышевский, но отлучались и даже противопоставлялись ему ведущие представители русской культуры. (Согласно М.О. Гершензону, «чем подлиннее был талант, тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской общественно-утилитарной морали, так что силу художественного гения у нас почти безошибочно можно было измерять степенью его ненависти к интеллигенции») (56).

В действительности веховцы дифференцировали интеллигенцию как «образованный класс» (существующий не только в России) и интеллигенцию («интеллигентину» в терминологии Н.А. Бердяева) как идейно-политическую корпорацию, духовный орден русской революции. Историософия революции в веховской интерпретации сводилась к конспирологической концепции заговора маргинальной группы интеллигенции, манипулирующей настроениями и действиями масс, о чем писал С.Н. Булгаков, считавший, что интеллигенция «духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции» (57). На орденские черты организации русской интеллигенции указывал С.В. Франк, давший определение ее представителей как «воинствующих монахов нигилистической религии земного благополучия» (58). Конспирологические мотивы веховской интерпретации революции не оформились в стройную теорию заговора. Отрицалась вероятность построения интеллигентской антисистемы, ибо «дионисийская» природа интеллигенции и этика нигилизма исключали возможность созидательного творчества.

Веховцы не поясняли, является ли интеллигентская координация революционным процессом попыткой реализации единой программы действий, или ее роль predeterminedена неосознанными стремлениями и комплексами. По-видимому, веховские авторы склонялись к последнему варианту, но, отталкиваясь от основополагающих тезисов «Вех», в общественной мысли сложилась историческая концепция заговора русских социальных маргиналов (интеллигенции) (59).

По мысли веховцев, интеллигенция возникла, с одной стороны, как реакция на полицейско-бюрократический гнет режима, с другой, как следствие маргинального статуса, «отщепенства» и от народной, и от государственно-политической жизни. Историческая генеалогия интеллигенции выводилась

веховцами либо от петровской вестернизации (С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон), либо от реформ эпохи Александра II (П.Б. Струве). В обоих случаях реформы рассматривались как разрыв с динамикой естественного органического развития российского общества, отчуждение интеллигентского сознания от политической жизни исторического бытия (60).

П.Б. Струве считал интеллигенцию духовной преемницей казачества как олицетворения антигосударственной вольницы. Здоровые государственные силы земской Руси противопоставлялись воровскому сословию казаков (61). Косвенное указание на «воровскую» природу русской интеллигенции вызвало негодование П.Н. Милюкова (62).

Что в понимании веховцев служило конструирующими принципами орденской консолидации интеллигенции?

Во-первых, квазирелигиозный культ «человекобога», противоположный народной вере в Христа. Еще Ф.М. Достоевский, к которому особо были склонны апеллировать веховские авторы, противопоставлял христианскую религию «богочеловека» и антихристово учение о «человекобожестве».

С.Н. Булгаков писал: «С максимализмом целей связан и максимализм средств, так прискорбно проявившийся в последние годы. В этой неразборчивости средств, в этом героическом “все позволено” (предуказанном Достоевским еще в «Преступлении и наказании» и в «Бесах») сказывается в наибольшей степени человекобожеская природа интеллигентского героизма, присущее ему самообожение, поставление себя вместо Бога, вместо Провидения, и это не только в целях и планах, но и путях и средствах осуществления. Я осуществляю свою идею и ради нее освобождаю себя от уз обычной морали, я разрешаю себе право не только на имущество, но и на жизнь и смерть других, если это нужно для моей идеи. В каждом максималисте сидит такой маленький Наполеон от социализма или анархизма. Аморализм, или, по старому выражению, нигилизм есть необходимое последствие самообожания, здесь подстерегает его опасность саморазложения, ждет неизбежный провал. И те горькие разочарования, которые многие пережили в революции, та неизгладимая из памяти картина своеволия, экспроприаторства, массового террора, все это явилось не случайно, но было раскрытием тех духовных потенций, которые необходимо таятся в психологии самообожания» (63).

Согласно С.Н. Булгакову, интеллигентский революционно-романтический героизм построен на самообожествлении человеческой природы и противостоит героизму подвижничества, т.е. христианского смирения. В качестве квазирелигиозных черт русской интеллигенции им назывались антибуржуазность, социальное раскаяние, рефлексия мученичества и мессианства. При этом веховцы пересматривали тезис Вл.С. Соловьева о христианской подоплеке интеллигентской революционности, указывая на псевдорелигиозность интеллигентского учения. В критике «Вех» Д.С. Мережковский отстаивал идею

апокалипсической революционности интеллигенции. Впоследствии Н.А. Бердяев выступил как один из главных провозвестников идей религиозной трактовки русской революции (64).

Во-вторых, идейной платформой интеллигентской корпорации определялось ее антигосударственное «отщепенство», враждебное отношение к институту политической власти России (65).

Субстанциональное противостояние интеллигенции государственному аппарату приводило не просто к оппозиции, а к войне. Поэтому, по замечанию С.Л. Франка, сетовать в объяснении неудачи революции на «злокаженность» бюрократии было равносильно обвинению японцев в поражении России в русско-японской войне. Показательны также слова В.И. Ленина о том, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником советской власти» (66). Показательно, что большевики, являясь изначально представителями интеллигентского лагеря, взяв на себя миссию государственного строительства, порицали «буржуазную» интеллигенцию вполне в веховской традиции.

В-третьих, авторы сборника объединялись в мысли об оторванности интеллигенции от народной социокультурной среды несмотря на формальное народопоклонническое кредо.

Оторванность от народа предопределялась не степенью образованности или атрибутикой культуры, а несоответствием внутренней жизни, своеобразием астрального и ментального бытия. М.О. Гершензон писал: «Сказать, что народ нас не понимает и ненавидит, значить не все сказать. Может быть, он не понимает нас потому, что мы образованнее его? Может быть, ненавидит за то, что мы не работаем физически и живем в роскоши? Нет, он, главное, не видит в нас людей: мы для него человекоподобные чудовища, люди без Бога в душе, – и он прав, потому что, как электричество обнаруживается при соприкосновении двух противоположно наэлектризованных тел, так Божья искра появляется только в точке смыкания личной воли с сознанием, которые у нас совсем не смыкались. И оттого народ не чувствует в нас людей, не понимает и ненавидит нас.

Мы даже не догадывались об этом. Мы были твердо уверены, что народ разнится от нас только степенью образованности и что, если бы не препятствия, которые ставит власть, мы бы давно уже перелили в него наше знание и стали бы единой плотью с ним. Что народная душа качественно другая – это нам и на ум не приходило. Мы и вообще забыли думать о строе души: по молчаливому соглашению, под “душою” понималось просто рационалистическое сознание, которым одним мы и жили. И мы так основательно забыли об этом, что и народную психику представляли себе в виде голого сознания, только несведущего и мало развитого» (67).

Народ отождествлялся веховцами с нацией, поэтому космополитизм русской интеллигенции рассматривался как оторванность от народа, прежде всего от его религии.

Веховские авторы не являлись ни традиционалистами, ни почвенниками. Они разделяли концепцию прогресса и признавали ценность для России западной культуры. Но при этом ими отстаивалось дифференцированное восприятие западных инноваций, сообразное с русскими историческими условиями. С.Н. Булгаков писал: «На многоветвистом дереве западной цивилизации, своими корнями идущим глубоко в историю, мы облюбовали только одну ветвь, не зная, не желая знать всех остальных, в полной уверенности, что мы прививаем себе самую подлинную европейскую цивилизацию. Но европейская цивилизация имеет не только разнообразные плоды и многочисленные ветви, но и корни, питающие дерево и, до известной степени, обезвреживающие своими здоровыми соками многие ядовитые плоды» (68).

В-четвертых, стиль мышления интеллигенции характеризовался как политическая «базаровщина», т.е. доминанта утилитарно-партийного мировосприятия.

Н.А. Бердяев писал, что «интеллигенцию не интересует вопрос, истинна или ложна, например, теория знания Маха, ее интересует лишь то, благоприятна или нет эта теория идее социализма, послужит ли она благу и интересам пролетариата», она «готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую, самую глубокую и истинную философию, если она будет заподозрена в неблагоприятном или просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам» (69). Справедливость данного упрека констатировали даже критики «Вех», такие, как Д. Философов (70).

Но утилитарность оценочная не предопределила формирования утилитаризма поведенческого. Интеллигенция характеризовалась отсутствием навыков системного и кропотливого труда. По этой причине русские интеллигенты брали на веру готовые формулы западной общественной мысли, произвольно перетолковывая их в соответствии с собственным партийным катехизисом.

Н.А. Бердяев иронизировал, что сторонник прусской монархии Гегель превращался в интеллигентской интерпретации в социалиста, а противник любых форм эгалитарности Ницше провозглашался олицетворением демократического движения.

А.С. Изгоев развенчал миф о рыцарских чертах интеллигентского облика, представив интеллигенцию на примере социологического портрета студенческой молодежи как необразованное, непривыкшее к труду, физически и морально дегенеративное сообщество. Резюме А.С. Изгоева гласило: «Русская молодежь мало и плохо учится, и всякий, кто ее искренно любит, обязан ей постоянно говорить это в лицо, а не петь ей дифирамбы, не объяснять возвышенными мотивами социально-политического характера того, что сплошь и рядом объясняется слабой культурой ума и воли, нравственным разгильдяйством и привычкой к фразерству» (71).

По мнению Л.Н. Толстого, сами веховцы остались в плену стереотипов интеллигентского сознания, что выразилось в чрезвычайной самоуверенности авторов и в нигилистическом содержании выдвигаемых ими постулатов. Сборник носил преимущественно разоблачительный характер, в нем отсутствовала конструктивная программа, которая отвечала бы на извечно русский вопрос «Что делать?» (72). Оговорки, что в основе должно лежать духовное возрождение, не конкретизировались.

Осознавая односторонность сборника, веховцы намеревались подготовить очередную книгу, посвященную проблеме национального строительства. Для осуществления издания предполагалось привлечь наряду с авторами «Вех» П.И. Новгородцева, Е.Н. Трубецкого и даже А.И. Гучкова.

По мнению А. Келли, исследователи феномена «Вех» склонны были переоценивать степень общности теоретических позиций авторов сборника: «Большинство западных исследований поддерживают убеждение авторов сборника в том, что их платформа представляет собой четкую альтернативу критикуемым ими идеологиям. Но анализ самой платформы вскрывает, во-первых, что “Вехи”, включают в себя несколько конфликтующих “философий” и, во-вторых, что некоторые из них имеют гораздо больше общего с традиционной точкой зрения интеллигенции, чем с западным либерализмом» (73).

За несколько дней до выхода книги А.С. Изгоев объявил о своем несогласии с мотивировкой составленной М.О. Гершензоном общей платформы издания, провозглашавшей приоритет духовного начала над социальным. В силу названного противоречия его статья помещалась вне алфавитного порядка, в самом конце книги и снабжалась примечанием об особой позиции автора. После выхода сборника некоторые веховцы публично отмежевались от подвергнувшегося особо заметным нападкам прессы тезиса М.О. Гершензона: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (74).

При подготовке ко второму выпуску книги П.Б. Струве настаивал на ее исключении из издания. Объясняя появление «ужасной фразы», он писал: «Следует отметить, что сборник “Вехи” никем не “редактировался”, и я, и некоторые другие его участники со статьями других авторов ознакомились только после выхода в свет книжки» (75). Но предложение встретило резкую отповедь Н.А. Бердяева, полагавшего, что изъятие данного высказывания создаст впечатление о трусости авторов. В результате фраза не была изъята, но снабжена примечанием, разъясняющим и смягчающим авторскую позицию.

Выводы

Анализ материала показал, что попытка рассматривать сборник «Вехи» с какой-либо одной позиции – кадетизма, черносотенства и пр. – несостоя-

тельна. «Вехи» включают в себя несколько конфликтующих «философий»: христианско-индивидуалистический анархизм Н.А. Бердяева, христианский социализм С.Н. Булгакова, индивидуалистическое славянофильство М.О. Гершензона, украинофильство и правовое государство Б.А. Кистяковского, национально-либеральной империализм П.Б. Струве, феноменологию С.Л. Франка, правый кадетизм А.С. Изгоева, которые сложно согласовать в рамках одной концепции.

Пропагандируемые рядом веховцев софиология, экзистенциализм, соловьевская доктрина всеединства так же далеки от православия, как и критикуемое ими мировоззрение интеллигенции. Показательно, что официальные представители православной церкви определили воззрения С.Н. Булгакова как еретические.

Идейная платформа «Вех» не была выверена и содержала многочисленные противоречия. Интеллигенция обвинялась как в утилитаризме, отсутствии интереса и философской проблематики, так и в метафизической оторванности от эмпирического бытия; как в преклонении перед Западом, так и в неприятии западного мещанства.

Сам П.Б. Струве дифференцировал идейную направленность веховцев на две группы, сообразную со старым водоразделом русской мысли на «западников» (Изгоев, Кистяковский, Струве, Франк) и «славянофилов» (Бердяев, Булгаков, Гершензон) (76). Конкретизируя воззрения представителей западнического вектора в «Вехах», С.Л. Франк писал: «...Четыре участника “Вех” солидарны в своем призыве к культуре и культурному творчеству, но религиозное (в свободном, недогматическом смысле религии) обоснование этого идеала опять-таки отделяет в этой общей группе П.Б. Струве и пишущего эти строки от Б.А. Кистяковского и А.С. Изгоева» (77).

Сущность взглядов Бердяева и Булгакова он усматривал «в возврате к церковной, догматической религии» (78). Моральный индивидуализм Гершензона придавал его позиции специфические черты, не позволяющие ее идентифицировать с принципами славянофильского полюса веховства. Тем не менее единый тезис о маргинальном статусе («отщепенстве») интеллигенции придает сборнику концептуальную целостность. Метафору С.Н. Булгакова возможно интерпретировать как квинтэссенцию веховского обращения к России: «Достоевский в “Бесах” сравнивал Россию и, прежде всего, ее интеллигенцию с евангельским бесноватым, который был исцелен только Христом и мог найти здоровье и восстановление сил у ног Спасителя. Это сравнение остается в силе и теперь. Легион бесов вошел в гигантское тело России и сотрясает его в конвульсиях, мучит и калечит. Только религиозным подвигом, незримым, но великим возможно излечить ее, освободить от этого легиона» (79).

Встреченные изначально потоком критики «Вехи» по прошествии лет приобрели в кругах русской эмиграции статус культовой книги. Сложилась веховская историческая школа, объяснявшая революционные процессы в России через призму теории заговора интеллигенции. Однако поставленный

авторами «Вех» диагноз-предостережение радикальной либеральной интеллигенции в том, что она представляет собой инокультурный анклав, чуждый традиционным духовно-нравственным ценностям, не был воспринят ни тогдашней интеллектуальной либеральной средой, ни нынешним поколением ее потомков. В этом трагический урок для акторов либерального вектора развития российского социума, и в этом же прогностическое величие авторов сборника «Вехи».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Две пресс-конференции. Париж. 1975. С. 65.
- (2) *Ленин В.И.* О Вехах // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 167–175; Он же. Беседа о «кадето-едстве» // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 61–68; Он же. Веховцы и национализм // Там же. Т. 23. С. 110–111 и др.
- (3) *Шевченко В.Н.* Почему «Вехи» вновь стали актуальными? // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. VII. М., 1992. С. 7–25; *Колеров М.А.* Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от “Проблем идеализма” до “Вех”. 1902–1909. СПб., 1996; *Лазарева А.Н.* Интеллигенция и религия (К историческому осмыслению проблематики “Вех”). М., 1996; *Портнягина М.А.* Русский либерализм после революции 1905–1907 гг. (Общественно-политические позиции С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона А.С. Изгоева). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994; *Проскурина В.Ю.* Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998; *Элбакян Е.С.* Религиозный феномен в сознании российской интеллигенции XIX – начала XX вв.: Философско-исторический анализ. М., 1996; *Шелохаев В.В.* Предисловие // Вехи. Интеллигенция в России. С. 5–20; *Шириняну С.А.* «Вехи» и модель политической культуры интеллигенции // Вестник МГУ. Социально-политические исследования. 1994. № 6 и др.
- (4) *Полторацкий Н.П.* Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX в. Нью-Йорк, 1988. С. 51–117; *Oberländer G.* Die Vechi-Diskussion. Köln, 1965; *Tompkins S.* The Russian intelligentsia. Makers of the revolutionary state. Norman, 1957; *Schapiro L.B.* The Vekhi group and the mystique of the revolution // Slavonic and East European Review. 1955. Vol. 34. № 82. P. 5676; *Pipes R.* Struve. Liberal on the right. 1905-1944. Cambridge (Mass.), 1980.
- (5) *Read C.* Religion, revolution and the Russian intelligentsia, 1900–1912: The Vekhi debate and its intellectual background. L., 1979.; *Келли А.* Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 52–66; Ее же. Полемика вокруг «Вех» // В кн.: Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 548–553.
- (6) *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное издание. 1909 г. М., 1990. С. 5–26.
- (7) *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Там же. С. 27–73.
- (8) *Гершензон М.О.* Творческое самосознание // Там же. С. 74–100.
- (9) *Кистяковский Б.А.* В защиту права // Там же. С. 101–130.
- (10) *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Там же. С.131–149.
- (11) *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Там же. С. 150–184.
- (12) *Изгоев А.С.* Об интеллигентской молодежи // Там же. С. 185–213.

- (13) *Бикерман И.* Отщепенцы в квадрате // Бодрое Слово. 1909. № 8; *Боборыкин П.* Подгнившие «Вехи» // Русское Слово. 1909. № 111. 17 мая; *Борский Б.* Светлячки русской жизни // Утро. 1909. № 192. 29 августа; Идеалист. Цусима литературы, аферизма и фарисейства // Новый Вечер. 1909. № 15. 15 октября; *Лаинюков В.* Двойное кощунство // Киевские Вести. 1909. 1 мая; *Н. Мемуары* унтер-офицерской вдовы // Киевлянин. 1909. 7 июля; *Поляцкий А.* Апология мещанства // Киевские Вести. 1909. № 335. 15 декабря; *Чуковский К.* Современные Ювеналы // Речь. 1909. № 223. 16 августа.
- (14) *Белый А.* Правда о русской интеллигенции. По поводу сборника «Вехи» // Весы. 1909. № 5; *Розанов В.В.* Мережковский против «Вех» // Новое время. 1909. 27 апреля; Его же. Между Азефом и «Вехами» // Там же. 20 августа; *Трубецкой Е.Н.*, кн. «Вехи» и их критики // Московский Еженедельник. 1909. № 23; *Шагинян М.* Еще о «Вехах» // Приазовский Край. 1909. 29 июня.
- (15) *Бердяев Н.* Открытое письмо архиеп. Антонию // Моск. Еженедельник. 1909. № 32. 5 августа; *Струве П.* Ответ архиепископу Антонию // Слово. 1909. № 791. 10 мая.
- (16) *Антоний*, архиеп. Открытое письмо авторам сборника «Вехи» // Слово. 1909. № 791. 10 мая.
- (17) *Келли А.* Polemika вокруг «Вех» // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 548.
- (18) В защиту интеллигенции. М., 1909. С. 34–35.
- (19) Там же. С. 48.
- (20) «Вехи» и «веховцы» Русские мыслители и западные традиции. М., 1992. С. 39.
- (21) *Изгоев А.С.* «Соль земли» // Московский Еженедельник. 1909. № 46. С. 5.
- (22) *Ripes R. Struve. Liberal on the Right, 1905–1944.* Cambridge, Mass., 1980. P. 106.
- (23) *Достоевский Ф.М.* ПСС в 30 т. Л., 1980–1984. Т. 21. С. 267.
- (24) Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 82.
- (25) *Могильнер М.* На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997. С. 15.
- (26) *Розанов В.* Мережковский против «Вех» // Новое Время. 1909. 27 апреля.
- (27) В защиту интеллигенции... С. 151.
- (28) *Бердяев Н.А.* Из психологии русской интеллигенции // Московский Еженедельник. 1907. № 2; *Струве П.Б.* Русская идейная интеллигенция на распутье // Полярная Звезда. 1906. № 7; Он же. Из размышлений о русской революции // Русская Мысль. 1907. № 7; *Франк С.Л.* Политика и идеи (о программе «Полярной Звезды») // Полярная Звезда. 1905. № 1.
- (29) *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 81.
- (30) Вехи. Из глубины... С. 500–507.
- (31) *Ленин В.И.* О литературе и искусстве. М., 1969. С. 249.
- (32) «Вехи» как знамение времени. Сб. ст. М., 1910; *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956–1958. Т. 3.
- (33) *Омельченко Н.А.* «Веховская» традиция в духовной жизни русской эмиграции // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 46.
- (34) *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 25.
- (35) *Струве П.Б.* Великая Россия // Русская мысль. 1908. № 1.
- (36) *Думова Н.Г.* Кадетская партия... С. 154.
- (37) Вехи. Из глубины. С. 121.

- (38) *Гайденко П.П.* «Вехи»: неслышанное предостережение // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 105.
- (39) Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное издание 1909 г. М., 1990. С. 123.
- (40) Интеллигенция в России. Сб. ст. СПб, 1910.
- (41) *Милуков П.Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вопр. философии. 1991. № 1.
- (42) См., например, *Гайденко П.П.* «Вехи»...
- (43) *Schapiro L.* Russianstudies. L., 1986. P. 90.
- (44) Вехи. С. 91.
- (45) Rum – gum. Черносотенные «Вехи» // Русское Знамя. 1909. № 142.
- (46) *Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. Харбин, 1934. С. 525.
- (47) Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 149–150, 224, 153, 596–597, 659–660; Тайна Израиля («Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конц. XIX – первой половины XX вв.). СПб., 1993. С. 309–406, 468–497.
- (48) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 224.
- (49) «Вехи» как знамение времени. С. 1.
- (50) *Боборыкин П.* Обличители интеллигенции // Русское Слово. 1909. 17 апреля; В защиту интеллигенции. Сб. ст. М., 1909; *Валентинов Д.* Вехи // Киевск. Мысль. 1909. № 107, 110. 19, 22 апреля; Он же. Еще о «Вехах» // Там же. № 132. 14 мая; *Мельгунов С.* Нашли виновника // Киевские Вести. 1909. 25 марта; *Мережковский Д.* Семь смиренных // Речь. 1909. 26 апреля; *Философов Д.* О любви к отечеству и народной гордости // Наша Газета. 1909. № 71. 26 марта; Он же. Спор вокруг «Вех» // Русск. Слово. 1909. 17 мая.
- (51) *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 22.
- (52) *Столыпин А.* Интеллигенты об интеллигентах // Новое Время. 1909. 23 апреля.
- (53) Н. Мемуары унтер-офицерской вдовы // Киевлянин. 1909. 7 июля.
- (54) «Вехи» как знамение времени. С. 4.
- (55) *Милуков П.Н.* Интеллигенция и историческая традиция... С. 115–116.
- (56) Вехи. С. 87.
- (57) Там же. С. 29.
- (58) Там же. С. 177.
- (59) *Ульянов Н.И.* Ignorantiatst // Диптих. Нью-Йорк. 1967.; Его же. Интеллигенция // Новое русское слово. 1960. 7 февраля.
- (60) Там же. С. 29, 133.
- (61) Там же. С. 132–133.
- (62) *Милуков П.Н.* Интеллигенция и историческая традиция... С. 127.
- (63) Вехи. С. 49.
- (64) *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж. 1937.
- (65) Вехи. С. 135.
- (66) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 420.
- (67) Вехи. С. 88–89.
- (68) Там же. С. 36–37.
- (69) Там же. С. 10.
- (70) *Философов Д.* О любви к отечеству и народной гордости // Наша Газета. № 71. 26 марта.

- (71) Вехи. С. 195.
- (72) *Полторацкий Н.П.* Лев Толстой и «Вехи» // Н. Полторацкий. Россия и революция. Тенафлу, N. J., 1988.
- (73) *Келли А.* Полемика... С. 552.
- (74) Там же. С. 92.
- (75) *Струве П.Б.* *Patriotica*. Сб. ст. СПб., 1911. С. 229.
- (76) Там же. С. 231.
- (77) *Франк С.Л.* Культура и религия // Русская мысль. 1909. № 7. С. 148.
- (78) Там же.
- (79) Вехи. С. 72.

REFERENCES

- (1) *Dve press-konferencii* [Two press conferences]. Paris, 1975, p. 65.
- (2) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 19, pp. 167–175; *Ibid.*, vol. 22, pp. 61–68; *Ibid.*, vol. 23, pp. 110–111 etc.
- (3) Shevchenko V.N. *Otechestvennaja filosofija: opyt, problemy, orientiry issledovanija* [Native philosophy experience, problems and research guidelines]. Moscow, 1992, issue 7, pp. 7–25; Kolerov M.A. *Ne mir, no mech: Russkaja religiozno-filosofskaja pechat' ot "Problem idealizma" do "Veh"*. 1902–1909 [Not peace, but a sword: Russian religious and philosophical stamp from "Problems of Idealism" to "Vehi". 1902–1909]. St-Peterburg, 1996; Lazareva A.N. *Intelligencija i religija (K istoricheskomu osmysleniju problematiki "Veh")* [Intellectuals and religion (the historical understanding perspective "Veh")]. Moscow, 1996; Portnjagina M.A. *Russkij liberalizm posle revoljucii 1905–1907 gg. (Obshhestvenno-politicheskie pozicii S.N. Bulgakova, M.O. Gershenzona A.S. Izgoeva). Avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Russian liberalism after the revolution of 1905–1907 (Social and political position of S.N. Bulgakov, M.O. Gershenzon, A.S. Izgojev). Autoabstract of diss. ... PhD in history]. St-Peterburg, 1994; Proskurina V.Ju. *Techenie Gol'fstrema: Mihail Gershenzon, ego zhizn' i mif* [Flowing of the Gulf Stream: Michael Gershenzon, his life and myth]. St-Peterburg, 1998; Jelbakjan E.S. *Religioznyj fenomen v soznanii rossijskoj intelligencii XIX – nachala XX vv.: Filosofsko-istoricheskij analiz* [Religious phenomenon in the minds of the Russian intelligentsia XIX – early XX centuries: Philosophical and historical analysis]. Moscow, 1996; Shelohaev V.V. Predislovie [Preface]. *Vekhi. Intelligencija v Rossii* [Vekhi. The intelligentsia in Russia], pp. 5–20; Shirinjanc S.A. "Vekhi" i model' politicheskoi kul'tury intelligencii ["Vekhi" and a model of political culture intellectuals]. *Vestnik MGU. Social'no-politicheskie issledovanija – Vestnik MGU. Social and Political Studies*, 1994, no. 6 etc.
- (4) Poltorackij N.P. *Rossija i revoljucija. Russkaja religiozno-filosofskaja i nacional'no-politicheskaja mysl' XX v.* [Russia and the Revolution. Russian religious-philosophical and the national-political thought of XX century]. New-York, 1988, pp. 51–117; Oberländer G. *Die Vekhi-Diskussion*. Köln, 1965; Tompkins S. *The Russian intelligentsia. Makers of the revolutionary state*. Norman, 1957; Schapiro L.B. *The Vekhi group and the mystique of the revolution. Slavonic and East European Review*. 1955, vol. 34, no. 82, pp. 56–76; Pipes R. *Struve. Liberal on the right. 1905–1944*. Cambridge (Mass.), 1980.

- (5) Read C. *Religion, revolution and the Russian intelligentsia, 1900–1912: The Vekhi debate and its intellectual background*. London, 1979.; Kelli A. *Samocenzura i russkaja intelligencija* [Self-censorship and the Russian intelligentsia]. *Voprosy filosofii* – [Problems of Philosophy], 1990, no. 10, pp. 52–66; Idem. *Polemika vokrug "Vekh"* [The controversy around the "Vehi"]. *Vehi. Iz glubiny* [Vekhi. from the depths]. Moscow, 1991, pp. 548–553.
- (6) Berdjaev N.A. *Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii. Reprintnoe izdanie 1909 g.* [Vekhi: Collection of articles about the Russian intelligentsia. Reprint of 1909]. Moscow, 1990, pp. 5–26.
- (7) Bulgakov S.N. *Ibid*, pp. 27–73.
- (8) Gershenzon M.O. *Ibid*, pp. 74–100.
- (9) Kistjakovskij B.A. *Ibid*, pp. 101–130.
- (10) Struve P.B. *Ibid*, pp. 131–149.
- (11) Frank S.L. *Ibid*, pp. 150–184.
- (12) Izgoev A.S. *Ibid*, pp. 185–213.
- (13) Bikerman I. *Bodroe Slovo – The Cheerful Word*, 1909, no. 8; Boborykin P. *Russkoe Slovo – The Russian Word*, 1909, no. 111; Borskij B. *Utro – The Morning*. Har'kov, 1909, no. 111; Bulatovich D. *Russkoe Znamja – The Russian Banner*. 1909, no. 192; Idealist. *Cusima literatury, aferizma i farisejstva* [Idealist. Tsushima of literature, aferizm and hypocrisy]. *Novyj Večer – The New Evening*. 1909, no. 15; Lashnjukov V. *Kievskie Vesti – The Kiev News*. May 1, 1909; N. *Memuary unterm-officerskoj vdovy* [Memoirs of a non-commissioned officer's widow]. *Kievljanin – Kyivlyanyin*, July 7, 1909; Poljackij A. *Kievskie Vesti – The Kiev News*. 1909, no. 335; Chukovskij K. *Rech' – The Speech*. 1909, no. 223.
- (14) Belyj A. *Vesy – The Balance*. 1909, no. 5; Rozanov V.V. *Novoe vremja – The New Time*. April 27, 1909; Idem. August 20, 1909; Trubeckoj E.N. *Moskovskiy Ezhenedel'nik – The Moscow weekly*. 1909. No. 23; Shaginjan M. *Priazovskiy Kraj – The Priazovsky District*. June 29, 1909.
- (15) Berdjaev N. *Mosk. Ezhenedel'nik – The Moscow weekly*. 1909, no. 32; Struve P. *Slovo – The Word*. 1909, no. 791.
- (16) Antonij, archbishop. *Slovo – The Word*. 1909, no. 791.
- (17) Kelli A. *Vekhi. Iz glubiny*, p. 548.
- (18) *V zashhitu intelligencii* [In defense of the intelligentsia]. Moscow, 1909, pp. 34–35.
- (19) *Ibid*, p. 48.
- (20) «*Vekhi*» i «*vekhovcy*» *Russkie mysliteli i zapadnye tradicii* ["Vekhi" and "Vekhists". Russian thinkers and Western traditions]. Moscow, 1992, p. 39.
- (21) Izgoev A.S. *Moskovskiy Ezhenedel'nik – The Moscow weekly*. 1909, no. 46, p. 5.
- (22) Pipes R. *Struve. Liberal on the Right, 1905–1944*, p. 106.
- (23) Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad, 1980–1984, vol. 21, p. 267.
- (24) *Vekhi. Iz glubiny*, p. 82.
- (25) Mogil'ner M. *Na putjah k otkrytomu obshhestvu: krizis radikal'nogo soznanija v Rossii (1907–1914 gg.)* [On the way to an open society: the crisis of radical consciousness in Russia (1907–1914 years)]. Moscow, 1997, p. 15.

- (26) Rozanov V. *Novoe Vremja – The new Time*. April 27, 1909.
- (27) *V zashhitu intelligencii*, p. 151.
- (28) Berdjaev N.A. *Moskovskij Ezhenedel'nik – The Moscow weekly*. 1907, no. 2; Struve P.B. *Poljarnaja Zvezda – The Polaris*. 1906, no. 7; Idem., *Russkaja Mysl' – The Russian Sought*. 1907, no. 7; Frank S.L. *Poljarnaja Zvezda – The Polaris*. 1905, no. 1.
- (29) Frank S.L. *Biografija P.B. Struve* [P.B. Struve's Biography]. New-York. 1956, p. 81.
- (30) *Vekhi. Iz glubiny*, pp. 500–507.
- (31) Lenin V.I. *O literature i iskusstve* [About art and literature]. Moscow, 1969, p. 249.
- (32) «*Vekhi*» *kak znamenie vremeni* ["Vekhi" as a sign of the times. Articles Collection]. Moscow, 1910; Plehanov G.V. *Izbrannye filosofskie proizvedenija: V 5t.* [Selected Philosophical Works: In 5 v.]. Moscow, 1956–1958, vol. 3.
- (33) Omel'chenko N.A. *Voprosy istorii – Questions of History*. 1995, no. 1, p. 46.
- (34) Dumova N.G. *Kadetskaja partija v period pervoj mirovoj vojny i Fevral'skoj revoljucii* [Cadet Party during the World War I and the February Revolution]. Moscow, 1988, p. 25.
- (35) Struve P.B. *Russkaja mysj' – Russian Thought*. 19086, no. 1.
- (36) Dumova N.G. *Kadetskaja partija v period pervoj mirovoj vojny*, p. 154.
- (37) *Vekhi. Iz glubiny*, p. 121.
- (38) Gajdenko P.P. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 1992, no. 2, p. 105.
- (39) *Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii. Reprintnoe izdanie 1909 g.* [Vekhi: Collection of articles about the Russian intelligentsia. Reprint of 1909]. Moscow, 1990, p. 123.
- (40) *Intelligencija v Rossii* [The intelligentsia in Russia]. St-Peterburg, 1910.
- (41) Miljukov P.N. *Voprosy Filosofii – Problems of Philosophy*. 1991, no. 1.
- (42) C.f. Gajdenko P.P. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 1992, no. 2, p. 105.
- (43) Schapiro L. *Russian studies*. London, 1986, p. 90.
- (44) *Vekhi*, p. 91.
- (45) Rum-rum. Chernosotennye «Vekhi» [Rum-rum. Black Hundred "Vekhi"]. *Russkoe Znamja – Russian Banner*. 1909, no. 142.
- (46) Ivanov V.F. *Russkaja intelligencija i masonstvo. Ot Petra Pervogo do nashih dnei* [Russian intelligentsia and Freemasonry. From Peter the Great till the present day]. Harbin, 1934, p. 525.
- (47) *Politicheskie partii Rossii. Konec XIX – pervaja tret' XX veka Jenciklopedija* [Political parties in Russia. The end of XIX – the first third of the twentieth century. Encyclopedia]. Moscow, 1996, pp. 149–150, 224, 153, 596–597, 659–660; *Tajna Izrailja. («Evrejskij vopros» v russkoj religioznoj mysli konc. XIX – pervoj poloviny XX vv.)* [The mystery of Israel. ("Jewish question" in Russian religious thought of the end. XIX – the first half of XX vv.)]. St-Peterburg, 1993, pp. 309–406, 468–497.
- (48) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*, vol. 47, p. 224.
- (49) «*Vekhi*» *kak znamenie vremeni*, p. 1.
- (50) Boborykin P. *Russkoe Slovo – The Russian Word*. April 17, 1909; *V zashhitu intelligencii* [In defense of the intelligentsia]. Moscow, 1909; Valentinov D. *Kievskaja Mysl' – The Kievan Thought*. 1909, no. 107, 110; Idem, no. 132; Mel'gunov S. *Kievskie Vesti – The Kiev News*. March 25, 1909; Merezhkovskij D. *Rech' – The Speech*. 1909. 26 April; Filosofov D. *Nasha Gazeta – The Our Newspaper*. 1909, no. 71; Idem. *Russkoe Slovo – The Russian Word*. May 17, 1909.

- (51) Varshavskij V.S. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed generation]. New-York, 1956, p. 22.
- (52) Stolypin A. *Novoe Vremya – The New Time*. April 23, 1909.
- (53) N. *Kievljanin – Kievite*. Julay 7, 1909.
- (54) «*Vekhi*» *kak znamenie vremeni*, p. 4.
- (55) Miljukov P.N. *Voprosy Filosofii – Problems of Philosophy*, pp. 115–116.
- (56) *Vekhi*, p. 87.
- (57) *Ibid.*, p. 29.
- (58) *Ibid.*, p. 177.
- (59) Ul'janov N.I. *Diptih* [Diptych]. New-York, 1967.; *Idem. Novoe russkoe slovo – The New Russian Word*. Februaru 7, 1960.
- (60) *Ibid.*, pp. 29, 133.
- (61) *Ibid.*, pp. 132–133.
- (62) Miljukov P.N. *Voprosy Filosofii – Problems of Philosophy*, pp. 127.
- (63) *Vekhi*, p. 49.
- (64) Berdjaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origin and Sighnse of Russian Communism]. Paris, 1937.
- (65) *Vekhi*, p. 135.
- (66) Lenin V.I. *Polnoe sobranie Sochineniy*, vol. 36, p. 420.
- (67) *Vekhi*, pp. 88–89.
- (68) *Ibid.*, pp. 36–37.
- (69) *Ibid.*, p. 10.
- (70) Filosofov D. *Nasha Gazeta – The Our Newspaper*, no. 71.
- (71) *Vekhi*, p. 195.
- (72) Poltorackij N.P. *Rossija i revoljucija* [The Russian Revolution]. Tenafly, New-York, 1988.
- (73) Kelli A. *Samocenzura i russkaja intelligencija*, p. 552.
- (74) *Ibid.*, p. 92.
- (75) Struve P.B. *Patriotica. Sbornik statey* [Patriotica. Articlcs Collection]. St-Petersburg., 1911, p. 229.
- (76) *Ibid.*, p. 231.
- (77) Frank S.L. *Russkaja mysl' – The Russian Thought*. 1909, no. 7, p. 148.
- (78) *Ibid.*
- (79) *Vekhi*, p. 72.

**MISCELLANY “VEKHI” IN THE CONTEXT OF PUBLIC DEBATE
ON WAYS OF RUSSIA’S DEVELOPMENT:
EXPERIENCE OF INTROSPECTIVE ANALYSIS**

V.E. Bagdasarian

Department of History, Political Science and Law
Moscow State Regional University
Radio Str., 10–1, Moscow, Russia, 105005

S.I. Resnyansky

Department of Russian History
Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The authors restore the socio-political context of criticism of the intelligentsia in the miscellany “Vekhi” (“Signposts” in translation). It was published in 1909 in Moscow and represented a collection of articles of Russian philosophers of the early XXth century on Russian intelligentsia and its role in the history of Russia. The article reconstructs the social and political context of intellectuals’ criticism in the miscellany “Signposts”. The authors examine the reaction of different ideological groups to the appearance of that book, trace internal ideological discrepancies between the miscellany’s authors. The authors expose the revision of the settled view of the collection as a mouthpiece of the Black-Hundred party or Cadets ideology, indicating that its conceptual content allows to talk largely about its anti-Cadet orientation. The article highlights some ideas that united the authors of the collection, but deny their common theoretical positions.

Key words: “Vekhi”, Russian revolution, Russian intelligentsia, Constitutional Democratic (Cadet) Party, Mikhail Gershenzon, Pyotr Struve, Semen Frank, Nikolai Berdyayev, Sergei Bulgakov.